

10.10.91

Андровская О.

ИЗ ДНЕВНИКА

25 апреля 1921 г.

Если бы можно было возратить брата какой угодно ценою! Сейчас почти в первый раз (а прошло больше года) после того, как получили то ужасное письмо, мы говорили с папой о вероятности такого известия. И снова в душе все порвалось. Ему так хотелось жить. Я это знаю. Он был нужен жизни — красивый, сильный, смелый, талантливый. Он лучше меня. Поэтому не могу поверить, что его нет. Ведь приходил же он ко мне год тому назад и сказал: «Какие смешные люди, кто мог тебе сказать, что я умер». Это во сне. Какое странное чувство, когда болит душа. [...] В сравнении с тем, что умер человек, каким кажется маленьким то «трудное», что заставляет душу метаться. [...]

Я все читаю Диккенса, кончила и принялась читать какой-то французский роман. Не могу, после Диккенса — святотатство. Это все равно, что выйти из Божьего храма и услышать разговор поругавшихся ломовых с Сенной площади. А как часто у нас в студии, на сцене, в храме, выстроенном во имя великого Бога Искусства (по-моему, Бог для всего прекрасного один), слышится этот «Сенный разговор», в котором тебя заставляют принять участие. А ведь уходя из нашего храма, я должна бы уйти так, как будто я говорила с самим Прекрасным.

Мне думается, что сейчас на сцене надо — сны, фантастику, сказку — лучшее, прекраснейшее души человеческой. Ведь фантазия — это эффективные воспоминания прекрасного, пережитого или того, что есть в нас, в нашей душе. [...]

Если бы почувствовать, поверить, что на сцене, в искусстве горит Великий луч во мне, что стоишь не перед лампой, а перед Божественным светом, то тогда почувствуешь и поверишь в дальнейший смысл своей жизни, в творении Прекрасного, Великого. [...]

ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

28 декабря 1926 г. Москва.

Дорогой, любимый Владимир Иванович! Если бы Вы только знали, как стало мне и радостно, и стыдно, когда Ниночка Сластенина передала мне Ваш привет. Радостно, что Вы, [...] помните обо мне, и стыдно за свою трусость (признаюсь в ней), ибо все не могла решиться написать Вам просто несколько слов о себе. [...] Наступает Новый год! Мне хочется, дорогой Владимир Иванович, чтобы когда было 12 часов, Вы хоть на один момент вспомнили и почувствовали всех нас около себя и знали, что мы мысленно с Вами и посылаем за тысячи верст всю нашу любовь горячую и молодую Вам.

Как часто мы, сидя за столиком в буфете, вспоминаем нашего дорогого Друга и Учителя, того, кто первый позвал нас и открыл нам двери своего Храма. Если бы Вы знали, как ждем Вас, повторяем слова, сказанные Вами каждому из нас в разное время. Как бы далеко Вы от нас ни уехали, знайте, дорогой Владимир Иванович², что наши мысли, желание Вас видеть, говорить и работать с Вами все равно догонят Вас, и я верю, что скоро, скоро Вы напишете, что приезжаете к нам.

Сейчас работаю «Фигаро». Работа увлекла меня очень, но по многим причинам она затянулась, и это меня делает нетерпеливой. Мне давно хочется надеть костюм, сделать грим и скорее прожить этот «безумный день», победить все и всех (конечно, в пьесе), а главное, Вас порадовать. Мне хочется, и я все стараюсь делать, чтобы быть достойной Ваших слов, которые Вы мне так хорошо написали на карточке. Да и все мы — Вы знаете, кто, Вы знаете тех, кто шел с открытым сердцем к Вам, — все мы работаем, чтобы Вы были довольны. Только приезжайте скорее. Принесите нам частичку Прекрасного, что исходит от Вас, расскажите нам о сказочных странах и неведомой жизни. В наших душах Вы заставите зацвести прекрасные розы.

Я волнуясь, дорогой Владимир Иванович, что пишу Вам, а потому не могу выразить хорошо то, что хочется сказать, не умею писать [...], только жду, как Солнце весной. И верю, что скоро увижу.

Я прошу Вас очень передать мои искренние поздрав-

ления и пожелания счастья и радости на Новый год глубокоуважаемой Екатерине Николаевне.

А Вам, Вам, Владимир Иванович, я желаю всего прекрасного, что только есть на свете.

Любящая Вас очень и преданная Вам, Ваша
Ольга Андровская

К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

24 декабря 1929 г. Москва.

Любимый, дорогой Константин Сергеевич.

Я не знаю, как начать это письмо. Внутри все дрожит, мысли путаются от волнения говорить с Вами — а, между тем, я не могу молчать больше. Если бы Вы только знали, как пусто, грустно и страшно без Вас, дорогое единственное наше солнышко³. Не сердитесь на меня за то, что так называю — это от всего сердца. И если бы Вы могли в него заглянуть, то увидели бы такую бесконечную тоску по Вас, доходящую иногда до боли, такое горячее желание Вас видеть, говорить с Вами, спрашивать Вас без конца о каких-то вечно мучающих вопросах. Сколько раз хотела писать и все чего-то боялась. А тут, несколько дней тому назад, смотрела впервые «Фигаро» (играли Тарасова и Прудкин) и почувствовала, как Вас нет в театре, до боли нет. Боже мой! Какой замечательный спектакль! По мере того, как он шел, мне вспоминалась вся моя работа над ним и все, что было связано в этой работе с Вами. Так захотелось, чтобы Вы посмотрели — сумела ли сделать за это время хоть часть того замечательного, что Вы мне говорили.

Ах, дорогой Константин Сергеевич!

Как мучительно трудно быть актрисой — вот такой актрисой, о которой Вы говорили.

Как часто думаю — а имею ли я право называться ею.

Как достичь мастерства, которое есть одно из истинных двигателей в искусстве, как избежать того страшного, что зовется ремеслом.

Вот сейчас все думаю над одним вопросом. Может быть, Вам, да и наверное так, он покажется смешным и наивным — все равно я скажу Вам.

Я работаю над новой ролью «Рокки»⁴. И вот как-то на одной из репетиций — мне вдруг показалось, что мне не так важно самой говорить, как слушать и внутренне слушать (тем самым понять) то, что говорят мне по пьесе партнеры. Я проследила — в жизни — как мои слова — есть результат внутренних движений — о словах своих я часто не думаю, — они само собой льются (важна лишь общая мысль — что я хочу сказать) — а вот то, что мне говорят — мне всегда интересно и важно, мне нужно каждое слово. И только все до конца прослушав, поняв — у меня внутри рождается настоящий ответ. Мне необходимо именно то сказать, что я говорю или у меня рождается настоящее желание действовать. А вот на сцене — как часто не слушают то, что говорят другие, важно лишь самому говорить — а откуда какая-то неправда, ложь. Меня за последнее время стало сердить на спектаклях и репетициях — когда актеры, не дослушав, перебивают или совсем перевирают текст. У меня образуется чувство — словно я чего-то не поняла и поэтому я не могу так ответить — у меня образуется провал.

Сперва я не понимала — что это — а теперь ясно ощущаю, что именно необходимо слушать внутренне, слушать (понятно ли Вам?), что мне говорят. Только тогда идешь по внутренним событиям всей роли и всей пьесы. Только тогда понимаешь всю внутреннюю линию пьесы и находишь правду в своих поступках и словах.

Для Вас, наверное, это азбука, и как стыдно, что я ее только сейчас понимаю. И как трудно мне ее постигнуть на деле — все тянет на старое. А может быть, я зашла в тупик, пошла по неверному пути — не знаю, не знаю; как не знаю и то — поняли Вы хоть немного, что я хочу сказать.

Потом, дорогой Константин Сергеевич, вот еще одно, что я заметила вот теперь в работе.

Берешь роль, начинаешь над ней работать. И вот когда появляется внутри уже накопленный материал (не раньше) — столкнуться этот материал с действительной жизнью, т. е. с живыми людьми, образами, характерами, подобными тому, что даны в роли. И вот от этого столкновения — непременно рождается что-то новое и оно-то и будет действенным и живым, словно в какой-то слепок глины вдыхаешь настоящую жизнь.

Вот в этом есть хоть доля правды.

Я никому на свете не говорила об этом — а вот Вам хочу сказать. Сколько вопросов толпятся в голове, сколько сомнений — но боюсь — все писать невозможно — да и Вы давно, наверное, устали читать. Не сердитесь на меня за то, что все это написала, мне так этого хотелось, так хотелось услышать от Вас хоть одно слово — как дальше над собой работать, как искать, какими путями идти в глубины искусства, да и смею ли я туда забираться.

Ну вот, словно мне и легче стало. Можно мне Вас крепко, крепко и нежно поцеловать и пожелать как можно больше радости, счастья и здоровья в новом наступающем году. Бог даст — он вернет Вас всем нам.

Любимую дорогую Марию Петровну⁵, крепко целую, часто вспоминаю и шлю самый горячий привет. Николай Петрович⁶ просит поздравить Вас и Марию Петровну и пожелать как можно больше радости.

Еще раз целую и очень люблю

Ваша Ольга Андровская.

Н. М. ШУЛЬЦУ⁷

23 июля 1934 г.

Сочи, гост. «Ривьера».

Дорогой папа!

Две вещи, если это можно назвать вещами, оказывают на меня совершенно колдовское действие — это Ленинград и Черное море.

ОТКРЫТЫЙ

Причем действие это совсем разное. Ленинград своей стройностью, закономерностью, красотой — заставляет целиком подчиняться себе. Город мира, в котором сосредоточилась вся культура — искусство последних 2-х веков — этот город заставляет меня думать и чувствовать, что я когда-то здесь жила и словно своими глазами видела его необыкновенную историю. Внутренне вся как-то подтягиваешься и делаешься, как струна — и очень гордишься, что вот ты русская — и что твоя необыкновенная, сказочная история.

А вот море — будоражит совсем иные чувства — вытаскивая из души какие-то дикие и первобытные начала.

Сегодня оно моего любимого цвета — голубо-синее с бирюзово-изумрудными отливами. Смотря на него — совсем выключаешься из жизни и освобождаешься от прожитых лет. Нигде и никогда не бывает у меня такой легкости и такого дикого сознания, что вся жизнь еще впереди и может быть изумительно прекрасна. Разве это не колдовство? И эта даль, которая манит в бесконечность, которая кажется чудесной и необыкновенной.

И этот крепкий морской, соленый воздух — заставляет тело делаться крепким и легким. И рядом терпкие, пряные, одуряющие запахи цветущих магнолий — упительного огромного белого цветка — и роз.

Я верю, что на море можно забыть все горести. [...] Пиши мне. — Целую тебя крепко.

Твоя Люлюша.

Ольга
АНДРОВСКАЯ:

«КАК ТРУДНО

Н. П. БАТАЛОВУ

3 августа 1937 г. Париж⁸.

Дорогой мой Колюшка!
Сейчас время начало девятого утра, а мы с Линочкой⁹ (с которой я живу) уже встали. Она занимается своими туалетами, а я пишу тебе. Париж встает очень рано, ложится (не мы — правда) на рассвете — когда спит этот город — я даже не понимаю. Сегодня у нас начинаются репетиции и утром, и вечером.

А эти два дня мы с Линой, как обалделые, бежали и смотрели Париж — утром, днем, вечером. Совершенно удивительный, сказочный и сумасшедший город.

Когда приеду — расскажу тебе свои впечатления. Вчера вечером — наш полпред пригласил нескольких товарищей (тех, кто ездил поездом) к себе и повез на машинах — сперва на выставку (мы осматривали наш павильон) — а потом по ночному Парижу. Были на Монмартре, в Монпарнасе. Конечно, все это нужно видеть не из кузова машины, быстро мчащейся, а бродить медленно — присматриваясь к жизни, характерам, обычаям. Сохранились кабачки на Монмартре в том виде, в каком они были сто лет тому назад. Вечером — весь Париж на улице, на каждом шагу маленькие и большие кафе — занимающие половину, а то и весь тротуар — ярко и красочно освещенные. Я не знаю, когда эти люди занимаются делами (а если и занимаются — то между делом — выпить оранжад, чашку кофе — аперитива (коктейль) и обязательно между 5—7 — пойти на свидание). На улице целуются в засос, галдят, хохочут и смеются. И я ходя вечерами — стараюсь представить себе времена Мопассана и Золя. [...]

Целую крепко и очень люблю и думаю. Передай поцелуй маме и сестрам.

Твоя Лёля.

Т. М. ВЕЧЕСЛОВОЙ¹⁰

26 февраля 1941 г. Москва.

Танюша, родная моя девочка!

Спасибо тебе за такое неожиданное и ласковое письмо. Я сама собиралась тебе писать именно сегодня, и как же я обрадовалась, когда увидела и прочла твое письмо. Как странно, что фильм этот¹¹ и я сама произвожу радостное впечатление. Ведь снималась я через 2 месяца после смерти Коли и настроение у меня было более чем тяжелое. Вся ситуация и слова этой вдовушки Поповой порой напоминали мне мое собственное положение и я только старалась не поддаваться безнадежным мыслям, а всячески сосредоточиваться над тем, что мне в данный момент надо делать. А надо было в то время — становиться быть абсолютно самостоятельной и делаться в жизни мужчиной. И как это ни странно, начало этому становлению положило кино и те условия и люди, с которыми столкнулась. На душе у меня скребли кошки, не раз я горько отчаянно рыдала в номере гостиницы, но потом на людях я брала себя в руки и «приучалась жить». Повторяю — это была моя первая и хорошая школа жизни. [...]

Жизнь моя — по-прежнему «лошадиная», а главное, топаю-то между двух дорог — «Турбины» и «Школа». Будущие предположения — пока в тумане и когда он рассеется — напишу. А ты пиши мне почаще, родная. Целую тебя и маму и нежно люблю.

Твоя Ольга.

Я сама немного прихворнула и вот хожу в «Кремлевку» на всякие процедуры.

Решилась забежать в комендатуру и написать Вам хоть несколько слов, чтобы Вы знали и верили, что в Театре есть много людей, для которых Вы — не только удивительный пример и образец и явление в искусстве, но замечательный человек, с настоящим большим горячим и нежным русским сердцем. Когда Вы — в Театре, нет человека, который не ощущал бы по-другому стены Театра, все то, что составляет Театр, и самого себя в Театре.

Милый Вы, хороший!

Большая внутренняя застенчивость и с детства идущее преклонение перед Вами заставляют меня всегда держать себя на расстоянии от Вас.

Но я не перестаю благодарить судьбу свою, что я живу и работаю в Театре с Вами, что Вы существуете на свете.

Будьте здоровы, только здоровы.

Крепко и нежно Вас целую.

Ваша Ольга Андровская.

Н. М. ГОРЧАКОВУ

25 января 1956 г. Москва.

Дорогой Николай Михайлович!

Я принимаю извинение перед Тобой и перед всеми товарищами, что не могла репетировать. Но в том физическом и, главное, моральном состоянии, до которого я доведена мучительными репетициями роли, которую я

лю всяких — и художественных и «политических» соображений — спектакль снимался на первом просмотре, так и не увидевши свет. А как бывает больно, когда спектакль, который ты играешь и любишь, — в силу всяких причин — снимают с репертуара и на твоём языке — это словно взрывают и уничтожают навсегда твоё детище. Вот, дорогая моя, хорошая — все переживать приходится художнику — но всегда меня поддерживали любовь к делу и какая-то мудрость, постепенно выработываемая. Я очень огорчалась, падала духом — мучительно работая над ролями — плакала — и все же помнила, что я Человек с большой буквы, что я Мать, что я служу для народа проводником Прекрасного, Истинного, Вечного, всего передового и лучшего. Только мои «творения» умирают, когда кончается спектакль — твои будут жить долго. А кому из великих зодчих не приходилось переделывать прекрасные проекты в угоду тем или иным господам и их капризам. Господа умирали, а творения зодчих живут в благодарных сердцах потомков...

Ну, детка, целую тебя и всех твоих крепко. Я очень люблю и тревожусь.

Твоя Люлюша.

Т. М. ВЕЧЕСЛОВОЙ

10 февраля 1966 г. Москва.

Танюша моя, любимая, хорошая!

Скоро Праздники, а главное, Пасха, которую, как и Рождество, люблю нежной, глубокой, связанной с детством, юностью, милыми традициями, верой, — любовью. И даже такой Праздник в нашей актерской жизни надо праздновать наспех, т. к. — воскресенье — это утренний спектакль, а значит, кто-либо из ребят будет занят, а вечером я сама играю. Ну, что делать — такая наша профессия, что нет у нас праздников, кроме тех, которые совпадают с отпуском.

Если будешь приезжать в Звенигород в июне — то, наверное, — я буду в Москве, а значит, ты меня и мою квартиру увидишь. Вот будет радость!

Крепко я тебя и всех твоих целую, всегда глубоко люблю. От всех моих горячий всем привет.

Твоя Леля.

Н. В. ШУЛЬЦ

22 февраля 1974 г. Москва.

Дорогая моя любимая Натулинька!

Спасибо тебе, родная, за твое, как всегда, ласковое письмо. Позавчера приехала после полутрагического пребывания в больнице домой и вчера уже играла¹⁵. Конечно, совсем еще не могу прийти в себя, слабость, главным образом в ногах, а потому волновалась очень перед выходом, да и последняя сцена у меня трудная с движениями, и я не смогла, как хотелось, провести ее так, как нужно. Ну, ничего, потихоньку окрепну. Завтра опять играть надо эту же пьесу, имеющую такой большой успех. [...]

Твоя Люлюша.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрей Николаевич Шульц, родной брат актрисы, погиб в 1920 году, сражаясь в частях Красной Армии. В память о нем Ольга Николаевна, уже будучи актрисой Второй студии МХАТа, взяла псевдоним Андровская.
2. Вл. И. Немирович-Данченко был в то время в Голливуде.
3. К. С. Станиславский был болен и находился на лечении в Ницце.
4. В пьесе американской писательницы М. Уоткинс «Реклама» О. Н. Андровская репетировала главную роль — Рокси Харт.
5. Мария Петровна Лилина — жена К. С. Станиславского, актриса МХАТа.
6. Николай Петрович Баталов, муж О. Н. Андровской, актер МХАТа.
7. Николай Михайлович Шульц, отец О. Н. Андровской, юрист.
8. О. Н. Андровская находилась в Париже в связи с гастролями МХАТа в августе 1937 г.
9. Ангелина Иосифовна Степанова — актриса МХАТа.
10. Татьяна Михайловна Вечеслова — артистка балета Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова.
11. Имеется в виду кинофильм «Медведь».
12. Н. М. Горчаков (совместно с Г. Г. Конским) ставил пьесу Л. Хеллман «Осенний сад», в которой Андровская репетировала одну из главных ролей.
13. Это письмо характерно для Андровской. Роли у нее, как правило, рождались в муках. Нередко в процессе работы ей казалось, что она не справится с ролью. Но Горчаков, хорошо знавший актрису и не раз бывший свидетелем рождения ее ролей, отказался аннулировать ее просьбы и оказался прав. Образ Роз Григгс стал удачей Андровской, она играла ее на протяжении многих лет.
14. Наталья Вадимовна Шульц — двоюродная сестра О. Н. Андровской, архитектор.
15. Роль пани Конти в пьесе О. Заградника «Соло для часов с боем».

Публикация

Виктории ХАЛИФ.

● О. Н. Андровская.

● «Женитьба Фигаро» П. Бомарше (1927 г.): Фигаро — Н. Баталов, Розина — О. Андровская.

● «Школа злословия» Р. Шеридана (1940 г.): леди Тизл — О. Андровская; сэр Питер — М. Яшин.

МУЧИТЕЛЬНО БЫТЬ АКТРИСКОЙ»

Ольга Николаевна Андровская (псевдоним Ольги Шульц) была человеком стеснительным. Она не любила выступать на собраниях, легко терлась при виде массовых сборищ. «Почему-то мне всегда хочется спрятаться от толпы», — признавалась она.

Раскрывалась она по-настоящему не на людях, а в одиночестве, оставшись наедине с листком бумаги. Письма помогали ей сохранить близость с друзьями, находящимися далеко, письмами она заглушала тоску, старалась преодолеть чувство одиночества.

В письмах она была самой собой — любящей женой, матерью, дочерью, другом, ученицей, партнершей и, конечно, прежде всего — художником, потому что актерское начало было главным, определяющим в ее личности с юности и до самых последних дней ее жизни.

И потому есть своя глубокая закономерность в том, что книга, посвященная Андровской и готовящаяся к печати издательством «Искусство», состоит из ее писем.

Большинство публикуемых ниже — «домашние». Они адресованы близким людям — родным, друзьям (исключения составляют лишь письма к К. С. Станиславскому, И. М. Москвину, Вл. И. Немировичу-Данченко). Но при всем их житейском, интимном характере, они наполнены глубокими мыслями о жизни, искусстве, нравственности.

Андровская принадлежала к числу тех редких художников, человеческое «я» которых находилось в полной гармонии с ее сценическими образами. В характерах ее героинь сквозила личность Андровской — человека исключительных душевных качеств.

В этом лишний раз убеждаешься, когда читаешь ее эпистолярное наследие, ее дневник.

Публикуемые материалы хранятся в ЦГАЛИ, Музее МХАТа, ГЦТМ имени А. А. Бахрушина и личном архиве О. Н. Андровской.

Н. П. ХМЕЛЕВУ

2 февраля 1942 г. Саратов.

Друг мой милый!

Пять лет тому назад, незадолго до моего отъезда в Италию — впервые перед моим взором появился загадочный, так всегда волновавший меня с юности, образ «злой машины» Каренина. С первых твоих шагов, с первого звука твоего голоса — ты заполнил мое внимание и сердце. Я не знаю — был ли это точно Каренин Толстого — но это был твой Каренин — актера и мой Каренин — зрителя.

Судьба этого человека — с холодно, словно поверх людей — смотрящими глазами — как будто — все, что скажут эти люди — давно ему известно — судьба одинокого умного человека — сухо разговаривающего с людьми и как будто жестоко поступающего с близкими, судьба этой «злой машины» — на время, что она стояла и жила перед моим взором — была моей судьбой — потому что внутри этой машины — я видела горячую кровь, я слышала жестоко сдерживаемые удары страстного сердца — мимо которого прошла — один из лучших и прекраснейших даров жизни — любовь. Я благодарю тебя за этого — для меня волнующего и близкого Каренина — еще раз пользуюсь случаем, чтобы сказать о моем глубоком уважении, восхищении и поклонении твоему большому и прекрасному таланту Актера и Художника и поздравляю тебя — с сегодняшним юбилейным 300-м спектаклем «Анны».

Будь счастлив и радостен в своем чудесном пути.

Твоя О. Андровская.

И. М. МОСКВИНУ

23 января 1945 г. Москва.

Милай, дорогой Иван Михайлович!

не понимаю и не люблю — репетировать, т. е. искать внутренних и интересных ходов — невозможно; а работать на технике с холодной душой — для меня убийство лучшего, что еще теплится в душе по отношению к искусству актера.

Роль Роз Григгс¹² — не «Мария Стюарт» — когда если нет актрисы — то и не надо ставить спектакль.

Мучить Вас, себя, обрывать на провал — не могу. Я знаю, как обо мне говорили на заседаниях. Пока не поздно — освободите меня от роли — я действительно мучаюсь с начала и до конца пьесы — стыжусь каждого выхода, каждой реплики и ничему не верю себе и окончательно не понимаю и вряд ли пойму, что мне именно надо делать, чтобы этот персонаж занял подобающее звучание в этой пьесе.

Стыдно мне всему театру в глаза смотреть — я не умею и никогда не могла работать на одном мастерстве.

Я должна за что-то полюбить того человека, которого надо играть и, во всяком случае, его понять. Видно, разума не хватает.

С уважением

Ольга Андровская¹³.

Н. В. ШУЛЬЦ¹⁴

3 июня 1965 г. Москва.

[...]Твои волнения и душевные огорчения — я очень хорошо понимаю и неоднократно это переживала. Приходилось расставаться и с кусками роли, которые безжалостно вычеркивали ради общего впечатления от всей композиции спектакля (и не всегда это было справедливо), и просто расставаться с ролью, которую в процессе работы начинаешь любить, как любишь ребенка, которого еще в себе носишь. И вдруг — немало было случаев и у меня и у моих товарищей, когда в си-